

Глава 7. На словах одно, на деле другое

— Сбежало? Что именно?

Сун Юнчжэн вздохнул:

— Благой зверь.

Линь Шицзе резко подался вперёд. В голосе его дрогнуло волнение:

— Благой зверь? Почему вы не сообщили мне раньше?!

Сун Юнчжэн поспешно стал объяснять:

— Мой сын отравлен. Я самовольно взял свежую кровь благого зверя, чтобы продлить ему жизнь. Но вместе с ядом смыло и большую часть духовной силы. Вы знаете, каков талант моего сына. Как я мог допустить, чтобы его будущее было уничтожено?

— В отчаянии я и решился вынуть кость судьбы, надеясь помочь сыну переродиться... Кто же знал, что вчера благой зверь сбежит, а вместе с ним пропадёт и кость судьбы... Должно быть, он сам её нашёл и унёс с собой...

— Нелепица! — вены на руке Линь Шицзе, упёртой в стол, вздулись. — Где вы держали благого зверя? Как могли позволить ему сбежать?

Сун Юнчжэн криво усмехнулся:

— После того как кость судьбы была вынута, он стал бесполезен. Я ослабил бдительность... недосмотрел...

Линь Шицзе смотрел на него как на никчёмного идиота, с которым при этом ещё и приходится разговаривать. Тонем, полным раздражения, он бросил:

— Он без кости судьбы, полумёртвый. Почему вы не смогли его схватить?

Этот вопрос попал в самое больное место.

Сун Юнчжэн помедлил и выговорил:

— Он сбежал... в Гуанлин.

Стоило прозвучать слову «Гуанлин», как презрение на лице Линь Шицзе медленно исчезло. Поджав губы, он взял со стола давно остывший чай и отпил глоток.

— Глава семьи Сун, я всего лишь лекарь-практик. Чем я могу помочь вам против того безумца из Гуанлина?

— Нет-нет, лекарь-бессмертный Линь, я лишь прошу вас изготовить Благовоние Пылающей Души. Когда дело будет сделано, Фу Линцзюнь уже перестанет что-либо собой представлять!

Линь Шицзе заинтересованно приподнял брови:

— Благовоние Пылающей Души?

Сун Юнчжэн тут же придвинулся ближе и подробно изложил свой замысел.

Выслушав, Линь Шицзе кивнул:

— Раз наши интересы совпадают, предоставьте мне всё необходимое сырьё. Благовоние Пылающей Души я изготовлю за три дня.

* * *

Едва группа самонадеянных муравьёв ступила в Гуанлин, Фу Линцзюнь уже об этом узнал.

Цзэян не впервые вёл за его спиной мелкие игры.

Вообще-то Фу Линцзюнь давно привык к тому, что Сун Юнчжэн исподтишка проворачивает всякие мерзости. Но на этот раз всё будто было немного иначе. Он ощущал, как чужаки, заняв позиции по схеме пяти стихий и четырёх образов, понемногу приближаются к долине Тяньбэй. Дойдя до нужных точек, они остановились и принялись что-то закапывать.

Похоже, это были ядра духовных зверей.

У таких ядер немало применений, но если их закапывают в строго определённых местах, значит, дело наверняка в какой-то формации. В ранние годы Фу Линцзюня запечатали в земле вечной ночи прежде, чем он успел всерьёз заняться изучением формаций, так что сейчас он не мог точно сказать, что именно задумал Сун Юнчжэн. Но одно он знал наверняка: что бы тот ни замышлял, довести дело до конца он ему не позволит.

— Иди наружу и разберись с ними, — велел он Сян Сину.

Сун Юнчжэн решился на свои мелкие пакости только потому, что знал: несколько дней назад Фу Линцзюнь уже покидал долину Тяньбэй, а значит, под гнётом печати не сможет выбраться снова. Но в одном он просчитался — в Сян Сине.

Злом духе, который мог свободно входить в долину Тяньбэй и выходить из неё.

Безжалостном, остром клинке.

Фу Линцзюнь всегда тщательно скрывал Сян Сина: все, кто его видел, умирали, а потому внешний мир до сих пор не знал, что рядом с одиноким Фу Линцзюнем есть ещё и злой дух. Как раз сейчас это было очень кстати: можно было подчистую стереть все те подлые ухищрения.

Сян Син был самым послушным хорошим мальчиком. Услышав поручение хозяина, он тут же оживился и с заметным воодушевлением сжал цепи.

— Да, хозяин.

Помолчав секунду, он спросил:

— Хозяин... вы... сейчас... не можете... выйти?

Когда у хозяина болела голова, он больше всего любил убивать. Раз в этот раз он не идёт вместе с ним, значит, печать долины Тяньбэй опять усилилась?

Фу Линцзюнь не ответил.

— Надо... живых... привести? — снова спросил Сян Син.

Бледные пальцы легли на висок. Фу Линцзюнь слегка прикрыл глаза и тихо хмыкнул.

Сян Син понял. Звякнув цепями, он ушёл прочь, и вскоре звуки стихли совсем.

Воздух мгновенно погрузился в тишину.

Тишина всегда была самой давящей частью долины Тяньбэй. А ещё глубже, чем тишина, в ней жили безмолвие, оцепенение, мёртвый покой.

Фу Линцзюнь давно привык к этой тишине, растянутой на бесконечные годы. Но в последние дни почему-то всё сильнее чувствовал раздражение, будто прежнее состояние больше его не устраивало.

Лёжа с закрытыми глазами на мече Шифо, он впервые за долгое время ощутил пустую, бесцельную тоску. Его длинные бледные пальцы, однако, сами собой постукивали по клинку, заставляя тот раз за разом отзываться глухим, тягучим звуком.

Нет. Мысли его были рассеяны. Он думал о маленькой твари, ворвавшейся в землю вечной ночи.

Зверёк размером с ладонь, весь белоснежный, с длинными ушами, как у зайца, с пушистым хвостом, словно облако, и с дивным ароматом... Всё это в точности походило на редкое создание, описанное в древних книгах. Но почему давно исчезнувшая тварь вдруг объявилась именно здесь?

Тук, тук, тук — мерный стук не прекращался очень долго. В конце концов Фу Линцзюнь не выдержал: убрал меч, спустился с воздуха и быстрым шагом направился к другой стороне ущелья.

Ему хотелось посмотреть.

Посмотреть, чем оно там занимается.

Он снова потревожил светлячков, спавших во тьме вечной ночи. Те в панике взметнулись и рассыпались в стороны.

Мерцающая зелёная звёздная река будто грубо разошлась посередине, пропуская сквозь себя одетого в чёрное злого духа.

Он пересёк мёртвое ущелье, миновал половину мёртвого города и наконец добрался до границы запретной земли. Там росло высокое плодовое дерево. Сквозь пролом в обрушившемся небосводе лился свет, падая на густую крону.

Под деревом высилась горка из красных плодов. Каждый слой был сложен из одинаковых по размеру фруктов, и все лежали парами. Чем выше, тем плоды становились мельче. Всё было аккуратно до смешного.

За фруктовой горкой мелькало что-то белое. Смелый зверёк стоял к нему спиной и, кажется, быстро рыл яму. Вскоре рядом с фруктами вырос ещё один маленький холмик земли.

Потом зверёк что-то туда закопал и принялся деловито подталкивать кучку земли обратно, чтобы засыпать яму. Тело у него было крошечное, коротких лапок не хватало, и потому каждое движение давалось с явным трудом.

Неуклюже — и всё равно необъяснимо мило.

Неужели все маленькие зверьки такие хорошенькие? За тысячи лет в земле вечной ночи Фу Линцзюнь уже успел позабыть, как выглядят многие живые существа. Только этот один казался по-настоящему живым: ярким, тёплым, чисто-белым, совершенно безобидным.

Фу Линцзюнь молча смотрел со спины, как зверёк хлопочет под тусклым светом. Пушистый хвост покачивался из стороны в сторону, точно мягкое облако, и у него вдруг возникло странное желание — прикоснуться.

Такой белый. Такой мягкий. Наверное, на ощупь он и впрямь как облако.

Стоило ему увидеть эту чисто-белую душу, как необъяснимая раздражительность, тоска, скука и чувство одиночества, мучившие его мгновение назад, чудесным образом исчезли.

Скрестив руки на груди, он молча смотрел, как зверёк возится под слабым светом, и впервые в жизни ощутил то, что можно было назвать покоем.

Не потому ли, что это был единственный луч света в этой тёмной и мёртвой земле?

<http://bllate.org/book/17032/1599346>